

законом интересы лиц, пострадавших от противоправных действий преступников [4].

В современных условиях требуется активное использование исторического опыта России, а так же практики зарубежных стран. Так, в результате активизации профилактической работы, направленной на укрепление режима и обеспечение надзора, произошел рост выявленных нарушений режима содержания, зафиксированных сотрудниками СИЗО и тюрем. За 9 месяцев 2013 г. зарегистрировано 283,4 тыс. нарушений, что на 6,1 тыс., или на 2,2 % больше, чем в 2011 г. Вместе с тем не решена проблема по сокращению рецидива преступлений, совершенных лицами, содержащимися под стражей. По состоянию на 1 ноября 2013 г. всего по России допущено 46 преступлений, из них 7, особо учитываемых (АППГ-17), в том числе два побега.

Достижение высокого уровня правопорядка в правовом государстве, которым провозгласила себя Российская Федерация в мировом пространстве, не в малой доли связано с сокращением рецидива преступлений среди лиц, отбывших реальный срок лишения свободы, напрямую связано с повышением эффективности социальной, правовой и психологической работы УИС.

По результатам проведения исследования можно говорить о весьма значимой роли современного государственного управления в развитии УИС, однако дальнейшее совершенствование правового регулирования в этом направлении с учетом мировой практики обязательно во всем правовом пространстве России.

Библиографический список

1. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р (в ред. от 31 мая 2012 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Ромашов Р.А. Концепция развития УИС РФ до 2020 г. в системе современного права России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2012. № 6. С. 2-8.
3. Комольцева А.А., Ивашкина Е.А. Институт амнистии: правовая природа и проблемы применения в современной России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2012. N 3. С. 22
4. Баранникова И.Г. Амнистия как институт конституционного права // Общество и право. 2009. № 4 // СПС "КонсультантПлюс".

УДК 316.442

Разинский Геннадий Вениаминович,
зав. лабораторией, ст.н.с., labsoc@pstu.ac.ru,

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, г. Пермь

НИСХОДЯЩАЯ СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ И СИНДРОМ ПАТЕРНАЛИЗМА: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

Аннотация: в статье анализируются процессы социальной мобильности в их связи с проявлениями синдрома патернализма. Определяются базовые параметры идентичности процессов социальной мобильности и проявлений патерналистского синдрома.

Ключевые слова: синдром патернализма, восходящая и нисходящая социальная мобильность, городской социум, маргинальные процессы, социальная стратификация.

DESCENDANCY SOCIAL MOBILITY AND PATERNALISM SYNDROME: SYNDROME: POINTS OF CONTACT

Abstract: the article analyzes the processes of social mobility in their relationship with the manifestations of the syndrome paternalism. Specifies the basic parameters of identity processes of social mobility and manifestations paternalism

Keywords: syndrome paternalism, upward and downward social mobility, urban society, marginal processes, social stratification.

Социальная мобильность, характерная для общества, находящегося в стадии формационных преобразований, при которых, в частности, происходит критериальная смена социальной структуры общества, неизбежно сопровождается размытием сложившейся решетки социальных отношений и деформацией норм, стандартов, ценностей, типов поведения отдельных социальных страт, исчезновением одних из них, появлением новых. Тем не менее, этот процесс сопровождается сохранением, воспроизводством тех норм, стандартов, которые и в прежней соцструктуре играли не последнюю роль. Более того, они элиминируют и на нововозникающие страты, интегрируясь в их ценностно-поведенческие системы. Роль «консерванта» в этом случае выполняет синдром патернализма, формировавшийся в российском обществе на протяжении веков и обладающий высокими адаптивными возможностями.

Накладываясь на процессы социальной мобильности, выступающие системообразующим атрибутом формирования новой социальной реальности, и приводящие к социальным изменениям во всей структуре общества, как в его статике, так и в его динамике, патерналистские тенденции существенно «корректируют» эти изменения.

Сама социальная мобильность, имеющая восходящий и нисходящий векторы, в таком случае вступает во взаимодействие с патерналистскими настроениями. Разнится лишь мера этого взаимодействия, а скорее сказать воздействия патернализма на тот или иной вектор мобильности. Так, восходящая социальная мобильность, создающая условия для формирования страт общества, интегрировавшихся в новую социальную реальность, этому в меньшей степени подвержена. С другой стороны, понижающий ее вектор, группы нисходящей социальной мобильности, ранее жестко интегрированные в структуры эгалитаристско-патерналистского социума советского типа, а ныне находящиеся на периферии социального развития в наибольшей степени подвержены маргинализационным процессам [1, с. 172; 2, с. 13] и составляют социальную базу консервации патерналистских настроений в современном российском обществе. Впрочем, это не означает, что исследуемый нами патерналистский синдром не оказывает своего воздействия на процессы восходящей социальной мобильности. Различия лишь в степени влияния данного синдрома на этот тип мобильности в группах нисходящей социальной мобильности.

Таким образом, изучая процессы социальной мобильности, можно определить содержание и проявления патерналистского синдрома в группах различных векторов ее направленности. Если группы восходящей социальной

мобильности представляют собой страты меньшей подверженности патерналистским интенциям, то группы нисходящей мобильности, наоборот, в максимальной степени соответствуют тем параметрам, которые отличают патерналистское восприятие и соответствующее социальное поведение тех или иных групп общества. Поэтому продуктивным представляется подход «*ordine inverso*» (от обратного), при котором базовые характеристики патерналистского синдрома, описанные нами в предыдущих публикациях [3, с. 82-84; 4, с. 539-540] «накладываются» на особенности, отличающие социальные установки и поведение групп нисходящей социальной мобильности.

Исследования лаборатории социологии ПНИПУ последних лет по изучению, в том числе и процессов социальной мобильности в городской среде, как и результаты, полученные в ходе реализации исследовательского проекта, посвященного изучению патерналистского синдрома в стратах городского населения, проведенные под руководством и при инициативном участии автора, позволяют это сделать. Рассмотрим эти особенности.

Так, факторами, формирующими отрицательную (нисходящую) социальную мобильность, как и характеризующие проявления патерналистского синдрома, являются низкий материальный статус, подверженность тех или иных социальных групп традиционным нормам и ценностям и неприятие (или принятие в ограниченных масштабах) ценностных ориентаций рыночного типа, затрудненный процесс интеграции в новую социальную структуру рыночного общества, низкий уровень социальной мобильности в различных сферах жизни, распространенность настроений социального иждивенчества, неприятие социальной дифференциации и приверженность эгалитаристским отношениям, низкая социальная, профессиональная, культурная мобильность.

Это проявилось:

- в социальных характеристиках как групп нисходящей социальной мобильности (в их противостоянии восходящей линии мобильности), так и подверженных патерналистскому синдрому (в противовес антипатерналистам): больший процент женщин и лиц старших возрастов, несколько меньший удельный вес лиц с высшим и незаконченным высшим образованием, доминирование выходцев из крестьян и рабочих;

- в их социально-профессиональном статусе: крайне незначительный процент в этой среде процент предпринимателей при высокой доле рабочих, пенсионеров, «бюджетников» и других специалистов различного отраслевого профиля что, с одной стороны, подтверждает незавершенность процесса социально-стратификационной консолидации и дифференциации, тогда как с другой – является социальной базой маргинализации общества и распространения настроений патернализма;

- в меньшей свободе в самоопределении своих ценностных и поведенческих позиций и в более высокой степени социальной автономии от стандартов и ценностей социального поведения, характерных для новой структуры социальных отношений: чем более автономны в этом смысле те или

иные группы, тем в меньшей степени они ощущают общую удовлетворенность той или иной стороной своей жизни и в тем в большей – подвержены патерналистско-иждивенческим моделям поведения;

- в определяющем, доминирующем значении материального фактора, формирующего отрицательную, нисходящую направленность социальной мобильности и репродуцирующего патерналистские настроения;

- в слабо выраженной ориентации на содержательную сторону труда при доминанте инструментальных и воспроизводственных предпочтений, в низкой готовности к повышению своего социально-профессионального статуса, неуверенности в своей устойчивости на рынке труда и занятости, что является более четко выраженным проявлением социальной маргинальности, в целом характерной для всего российского социума и ее (маргинальности) «родстве» с патерналистским освоением социальной (в данном случае трудовой) реальности;

- в распространенности настроений безразличия, а то и неприятия того города, в котором они живут и это при более высокой тяге к оседлости и практической неосведомленности и неучастию в городской жизни (что в целом отличает городской социум, независимо от вектора социальной мобильности);

- в доминировании в культурно-досуговой деятельности групп нисходящего вектора мобильности и патерналистского синдрома воспроизводственно – потребительских тенденций, а в сфере семейных отношений – консервативных и традиционных ценностей и стандартов поведения при высокой распространенности настроений социального иждивенчества;

- в большей приверженности групп отрицательного вектора мобильности и патерналистских ориентаций консервативным моделям политического устройства и отрицании моделей рыночного типа;

- патерналистским отношением к управленческим структурам при одновременно невысоком уровне доверия к основным социальным институтам и фактическим отчуждением от них;

- в большей подверженности групп нисходящей социальной мобильности и патерналистски ориентированных горожан в оценках своего социального самочувствия настроениям беспокойства, тревоги, безысходности.

Таким образом, сложившаяся система базовых социальных установок и ценностных ориентаций (доминирование патерналистских настроений, преобладание вынужденной адаптации к рыночным отношениям, размежевание позиций относительно возможности социальной дифференциации, слабая включенность и малая заинтересованность горожан в активном освоении городского пространства и связанная с этим отчужденность как от города, так и от структур власти), наиболее четко проявившаяся как в группах нисходящего вектора социальной мобильности, так и среди тех, кто подвержен патерналистскому синдрому, выступает, с одной стороны, стабилизирующим фактором, удерживающим от активных, тем более протестных действий (и именно поэтому большинство опрошенных настроены выжидательно), тогда

как с другой – консервирует сложившуюся ситуацию, способствует стагнации социального развития городской общности.

Таким образом, можно констатировать фактическое совпадение отличительных особенностей, характеризующих группы отрицательной социальной мобильности и проявления патерналистских тенденций, что является еще одним подтверждением всеобщности феномена патернализма.

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта № 12-03-00063, финансируемого Российским гуманитарным научным фондом.

Библиографический список

1. Парк Р.Э. Культурный конфликт и маргинальный человек // Социальные и гуманитарные науки. 1998. № 2. С. 172-175.
2. Стоунквист Э.В. Маргинальный человек: исследование личности и культурного конфликта // Личность. Культура. Общество. 2006. Т. 8. Вып. 1. С. 9-36.
3. Разинский Г.В. Патернализм: структурные характеристики Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований: матер. XI Всеросс. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения З.И. Файнбурга (Пермь, ПНИПУ, 21-22 ноября 2012). Пермь, 2012. С. 82-85.
4. Разинский Г.В. Патернализм как синдром // Социология в системе научного управления. [Электронный ресурс]. Материалы IV Всероссийского социологического конгресса Москва: ИС РАН, ИПИ РАН, РГСУ. — М.: ИС РАН, 2012. – 1 CD ROM. С. 539-540.

УДК 614.2:366

Ровкина Мария Андреевна,
студент, marusya-qx@rambler.ru,

Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права, г. Тюмень

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ КАК РЕСУРС УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Аннотация: в статье автор осуществляет анализ ситуации в здравоохранении в г. Тюмени. В ходе исследования был выявлен ряд проблем, решить которые предлагается путём внедрения социальной технологии общественного контроля на региональном уровне.

Ключевые слова: здоровье населения, общественный контроль, управление, молодёжь, врачебная ошибка.

Rovkina Maria Andreevna

PUBLIC CONTROL AS A RESOURCE OF THE MANAGEMENT IN HEALTHCARE

Abstract: the author analyzes the healthcare situation in the Tyumen city. The study reveals a number of problems that author offer to solve by introducing social technology of social control at the regional level.

Keyword: health, social control, management, youth, medical error.

Сохранение здоровья населения – это одна из важнейших задач, решение которой в настоящее время необходимо для развития человеческого потенциала. В предоставленном Правительством Тюменской области отчёте о проделанной работе за 2012 год говорится о том, что в Тюменской области в полном объёме выполнена программа модернизации здравоохранения, запланированная на 2011-2012 годы. Однако проблемы в системе здравоохранения остались.